

МИХАИЛ КОРНЕВ

“ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ”

РАССКАЗЫ

Мы сидим на втором этаже Луганской администрации в штабе округа Луганского казачества, исторически относящегося к Всевеликому Войску Донскому. В помещении то и дело заходят бойцы ополчения, казаки. Атаман Рубан Леонид Александрович неспешно ведёт беседу с бойцами, расспрашивает, подсказывает, планирует, кому и когда оказать помощь продуктами, обмундированием, снаряжением. Разговор идёт о войне, о казаках, кто где сейчас стоит, как идут боевые действия, есть ли потери. Мы внимательно слушаем. Мы — это игумен Пимен, режиссёр документального кино Валерий Тимощенко и я, заместитель атамана Иркутского войскового казачьего общества, директор Иркутского городского театра народной драмы. Вчера нам удалось привезти в Луганск две машины гуманитарной помощи. А сегодня мы все вместе планируем отвезти её на боевые позиции.

Дверь отворилась, в комнату осторожно вошёл высокий средних лет казак в зимнем камуфляже. Был он сутуловатый, на не седой ещё голове виднелись широкие залысины, которые он приглаживал сильными крупными ладонями. Казак да казак. Ничем он не выделялся. Только привлекали внимание повязанные “липами” на рукава бушлата зелёные ленты-пояса “Жи-

КОРНЕВ Михаил Георгиевич родился в 1958 году в городе Раменское Московской области. С детских лет по настоящее время живёт и работает в Сибири, в городе Иркутске. Один из создателей широко известного в России и за рубежом Иркутского городского театра народной драмы, директором и главным режиссёром которого является. С группой театра неоднократно бывал в “горячих точках”: в Приднестровье, Югославии, Чечне, Сербии, Косово, на Донбассе. Автор двух книг песен и рассказов. Член Союза писателей России, Заслуженный артист России, Заслуженный деятель искусств России. Живёт в Иркутске.

вый в помощи”. И казачий взгляд... Серые глаза казака смотрели глубоко и спокойно, словно человек знал что-то, что высказать нельзя, а узнав это, обрёл покой и силу.

Человек улыбнулся, оглядел сидящих за столом, поздоровался.

— Коля! Здорово, брат! — несколько казаков привстали навстречу. — Как ты?

— Слава Богу, — с улыбкой ответил Николай. — Со Счастья приехал. “Укропы” из миномётов по позициям нашим бьют. От оно, ихнее перемирие! Ну, ничего, терпеть можно.

Казаки обступили Николая, горячо заговорили о ребятах-казаках, ведущих боевые действия сейчас в посёлке Счастье. К нам подсел атаман.

— Видали Коло? — как-то особо, по-отцовски ласково спросил он. — Это ж наша легенда, а не человек! Разведчик, четыре месяца в плену у нациков был. Недавно только поменяли его на украинского полковника.

— Ребята, ребятунки! — заволновался батюшка Пимен, человек богатырской комплекции и добрейшей души. — Это ж надо услышать, это ж надо всё узнать! — Игумен притиснулся к Коле: — Коля, брат! Расскажи, как там, в плену-то было? Небось, не сладко?

Коля улыбнулся, глянул на батюшку ласково и спокойно:

— Да ничего, отче, терпеть можно. Я же молился, чего они мне сделали бы?

— Расскажи, Коля, если можешь, — попросил батюшка.

— Да почему нет? — всё так же спокойно и доброжелательно ответил казак. — Я ж тут, в Луганске, всю жизнь лесником был. Лес защищал, браконьеров, порубщиков ловил. А полгода назад, как началось всё, — в ополчение и сразу — в разведку. Повидал за это время много. Что сказать? Бандеры они бандеры и есть. Вроде украинская армия называется, а на поверку выходит нацики, нацгады, людей не только убивают, но и мучают, детей, стариков расстреливают, дома жгут, одно слово — гады. Так вот, если раньше немцы кожу человеческую на сумки, волосы женские на матрасы пускали, то эти дальше пошли. Убитых и живых потрошат на органы. Причём своих и наших. Бизнес такой, оно понятно, деньги большие дают.

Коля задумался, глядя серыми глазами куда-то сквозь окно. В казачьем штабе стояла тишина.

— Так вот... У нас в ЛНР с лета начали людей находить. Ну, сами понимаете, как они выглядели после встречи с потрошителями. Надо было найти тех, кто эти дела творят. Мы их обозначили “мясники”. И мне поставлена была командиром задача вычислить и найти этих “мясников”. С добровольцем из России Женей Свиридовым мы почти полтора месяца ходили по тылам “укропов”.

— Как ходили? — спросил молодой казак.

— А так. Я ж лесник. Одели мы с Женей форму и на “уазике” с документами объезжали леса.

— Так они ещё с “укропов” штрафы требовали за уничтожение лесопосадок, — хохотнул батька-атаман. — Даже ругались на них. А позывной у Коли — “Железный дровосек”!

— Было дело, — улыбнулся Коля. — Так вот... Под Лисичанском только напали на след “мясников” и — провал! Попались случайно. Нацики остановили “уазик”, спросили документы, Женя ответил, и тут один отскочил от машины, затвор автомата передёрнул и заорал: “Цэ москали! Цэ москали!” Нас повязали. На допросе тот нацик показал, что слышал брянский акцент. А Женя точно ведь с Брянщины. Как тот учуял? Ну вот, повезли нас, в камеру бросили. Я вижу, Господь испытание даёт. Говорю: “Женя, молиться надо”. Начались дни плена. Били сначала не очень, на допрос каждый день, мол, сознавайтесь, что наёмники из России, фээбэшники-шпионы. Документы у нас “лесников”, мы на своём стоим. А на четвёртый-то денёк пожётче с нами обошлись: мне два ребра сломали, Женке голову разбили. Ну, ничего, терпеть можно... Я молитву творю, не бросаю и думаю, что поменялось? А оказалось — интернет подвёл.

— На сайте написали? — спросил игумен.

— Нет... На нас у них ничего не было. А ведь они тоже интернет-войну ведут, сайты наши просеивают. И наткнулись по переписке да ссылке на одну страницу, где ребята наши казаки фотку выставили. А я на фотке во всей красе в казачьей форме. Ну и всё...

— Ты смотри, а... — с досадой хлопнул батюшка большими ладонями по коленям. — Ну, вот нельзя никакие фотографии выставлять, ну, вот нельзя!

— Нельзя, — тихо вздохнул Коля. — Так Господь ведёт. У меня “Живый в помощи” всегда со мной. Во, сейчас на рукавах нашиты, а раньше у сердца всегда они были. Заходит ихний следователь: “Ну, ты попался! Мы тебя долго будем на ремни резать, у нас с тобой время много!” Я ему говорю: “Вот видишь, девяностый псалом “Живый в помощи”, что ты сделаешь со мной? Я молюсь. Господь говорит, ни один волос не упадёт с головы твоей без Воли Моей. Ты что сделаешь?” Он постоял, посмотрел, как на больного, да и ушёл. Бить уже стали утром и вечером. Ну, ничего, терпеть можно. В камере с Женей читаем “Живый в помощи”, молитвы, какие помним. Где-то через месяц вытащили меня, глаза пластиком заклеили, бросили в какую-то комнату. Кровь взяли. Через час слышу голос: “Ну что, казачок! Ты нас искал?” Я понял — это “мясники”. “Может, и искал”, — отвечаю. “Ну, вот и нашёл. И молодец. Главное, анализы у тебя хорошие. Завтра оперировать тебя будем... На запчасти!” И захохотал. “Ты послушай. Я “Живый в помощи” читаю, ни один волос без воли Божьей с меня не упадёт. Что ты можешь сделать?” — говорю спокойно ему. А его не вижу, глаза у меня заклеены. Слышу, молчит, потом сказал: “Ну, помолись, можа, Бог поможе”. Слышу: шаги, ушёл. Отвезли в камеру обратно, Жене рассказал, он говорит: “Ну вот, Коля, это всё, наверное”. Я говорю: “Женя, ничего не всё. Читай: “...не придет к тебе зло и рана не приблизится телеси своему, яко Ангелам Своим заповесть о тебе сохранили тя во всех путех твоих...” Читай, говорю, Женя, брат!” Женя с трудом на колени опустился, мы начали молиться, сколько по времени, не знаю, ночь прошла, утром узнаю: “мясники” срочно уехали в другой район. Легче, правда, не стало. Допрос — каждый день, быют — каждый день. Следователь особо меня хотел сломать, не понимал, ведь я в полной его власти, а как-то держусь. Хотел совсем унижить. Вызвал татуировщика.

— Кого вызвали? — опешил игумен Пимен.

— Татуировки который колет. Армия у них странная, кого там только нет... Ну, и притащили, связали, следователь говорит: “Сделай ему на лоб наколку...” и похабные всякие маты говорит. “К вечеру наколем”, — отвечает татуировщик. Следователь ушёл, татуировщик мне: “Ну что, боишься?” Я ему говорю: “Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящей во дни”. Ты мне ничего не сделаешь”. “Посмотрим”, — говорит. До вечера сидел в помещении, а татуировщик вдруг начальству заявил, что устал, работу не сделает, а утром вообще инструмент у него сломался. Так и не стал мне лоб портить... Слава Богу.

Уже месяц четвёртый пошёл. Мы в камере утреннее и вечернее правило ни дня не пропускаем. К нам мародёров-нациков кинули. Это ж сколько надо было разграбить, если украинская армия, которая сама первым мародёром является, их за такой грех в кутузку кинула?.. Мы с ними разговаривали, через некоторое время они тоже с нами молиться стали. Не знаю, от сердца или нет. Бог всё видит.

А я узнал, что первым стою на обмен военнопленными. У следователя душа горит меня добить побыстрее: “Я тебя расстреляю через неделю”. “Ничего ты не сделаешь, я первый на обмен”, — говорю. “На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия...” — про себя твержу. И они видят: всё это время я их не боялся. Ничего не могут сделать со мной. Ножом руки, ноги резали, в суставы нож втыкали, били по-чёрному. Электрический ток к половым органам подводили. Неприятно конечно. Но ничего, терпеть можно.

И вот четыре месяца я у них просидел, и у них приказ — меня поменять. Готовят к освобождению. Я следователю говорю: “Вот ты вспомни те-

перь, что я тебе вначале говорил. Ни один волос с головы моей не упадёт без воли Господа моего. “Прибежище моё — Бог и уповаю на Него”. Ты читай “Живый в помощи”, может, Господь откроет тебе, что родных братьев убиваешь”. Следователь долго смотрел мне в глаза, потом зло буркнул: “Прикажут — буду читать, прикажут — буду убивать. Иди давай. Радуйся, что жив остался”. Очень он был недоволен таким поворотом дела. За мной ребята приехали, на обмене забрали. А Женья Свиридов остался в плену. Со здоровьем у него сейчас плохо. Все силы прилагаем, чтобы его вытащить оттуда, также по обмену военнопленными.

Николай задумался, глядя спокойными глазами куда-то вдаль. Все, кто был в казачьем штабе, молчали. Батюшка Пимен обнял Николая, перекрестил его. В глазах его стояли слёзы.

— А знаешь, Коля, вот я слушал и думал, а я бы смог всё это выдержать или нет? — спросил отец Пимен.

— Ничего, батюшка, терпеть можно. С Господом всё можно.

Коля встал, попрощался с казаками и ушёл по своим военным делам. Казаки ещё долго с гордостью рассказывали о нём, и было видно, что воинский подвиг Николая широко известен и почитается в Луганске. Несокрушимая вера пленного разведчика, не дрогнувшего перед лицом смерти и мучений, потрясла нас. Вспомнились древние могучие казаки, разившие врага на этой самой земле, со Христом побеждавшие и со Христом на устах умиравшие.

Время исповедничества близко. И воистину сегодня мы с тревогой спрашиваем себя, насколько тверда наша вера. И вслед за казачьим разведчиком Николаем говорим слова грозного псалма: “Воззовёт ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долгою дней исполню его, и явлю ему спасение Моё”.

КОЛЬКА

Семилетний Колька часто спрашивал бабушку Аню, почему их село называется Новосветловка.

— Да кто его знает, унучёк... — задумывалась бабка. — Новосветловка, значит новый свет, что ли? Радость значит, свет-то. Вот. Дали людям эту землю-кормилицу когда-то, урожаи у нас хорошие — значит, людям всё радость, всё свет. Храм в селе когда-то выстроили Покрова Матушки нашей Богородицы — вот свет Божий на людей пролился. Храм-то новый? Разумешь, нет-ли? И свет новый... А боле я не знаю как тебе рассказать, — отмахивалась бабка, вечно занятая то в огороде, то мытьём полов в конторе поселковой администрации, то продажей овощей с того же огорода на маленьком сельском рыночке.

Колька рос с бабушкой, без родителей. Мамка уже давно жила в Киеве, редко приезжала, а отца Колька никогда не видел.

Жили они с бабой Аней в крохотном домике, окна которого выходили на проезжую дорогу. Если по ней поехать вправо, то приедешь в Луганск, а если в обратную сторону, то можно доехать даже до России — возле посёлка Изварино начиналась граница. Сам Колька там не бывал, но его подруга Света рассказывала, что её папка ездит через эту границу в Россию на заработки. Когда Светин папа, дядя Петя, приезжал, то привозил ребятишкам подарки, перепало и Кольке. В последний приезд дядя Петя подарил ему игрушку-трансформер, умеющий превращаться то в машину, то в робота. У Кольки от радости всё замерло внутри — ведь этот трансформер был точь-в-точь такой же, каких Колька видел в американском фильме “Трансформеры”. Только в фильме они были огромные, страшные, легко растаптывали людей, их машины и уже почти завоевали весь мир. Колька бережно спрятал в карман заморскую игрушку.

А потом, выпивши, дядя Петя стучал кулаком по столу, мотал головой и кричал: “Всё развалили, гады ползучие, всё захапали. Как людям жить?!”

Слава Богу, Россия ещё кормит...” Колька со Светой грустные тихонько выходили из хаты и шли на речку.

На берегу сидели и глядели на солнечные зайчики, весело прыгавшие по воде.

— А что, твой папка не хочет больше в Россию ездить? — спросил Колька.

— Наоборот. Там можно деньги зарабатывать. А как нам жить, у нас ещё двое маленьких и мама не работает, — вздохнула Света.

Колька, обхватив руками колени, смотрел на воду, о чём то думая.

— Бабушка моя тоже зарабатывает, полы моет. Но мало. Мы ещё даже портфель к школе не купили.

— Мне папка из России привёз.

— Тебе хорошо... Свет, а кто такие гады ползучие, что всё захапали? Это люди или как вот эти, — Колька достал из кармана подаренный дядей Петей трансформер.

— А я почём знаю? Папка всё время ругается, говорит, что это фашисты недобитые, бандеры...

— А чо их не добили?

— Когда война была, немецких здесь всех добили, а бандеры в Киеве спрятались.

— Надо было вот так их! Кия! Кия! — Колька сделав зверскую физиономию и выпучив глаза, начал вертеть голову и ноги зловещей игрушки-трансформера. — Ни фа себе! Свет, смотри. У него башка и ноги не отрываются, а во что-то другое превращаются. Он вообще бессмертный! — мальчишка восторженно уставился на Свету.

— Колька, отстань! Пошли лучше купаться, — отмахнулась Света и дети побежали к песчаной отмели.

Ночью Кольке приснились “гады ползучие”. Они ползли по улице, разваливая маленькие домики Новосветловки, легко, как песочные хатки, загребая перед собой огромными железными руками-клешнями. Вот клешня прошла над их с бабкой домиком, и уже вместо него лишь жалкая куча досок и земли. Колька с бабкой почему-то стояли на улице, а не в доме. Колька хотел крикнуть, но не смог. А потом увидел, что хвост у гада огромный, сделанный из железа, и на нём, как на магните, висели велосипеды, мотоциклы, телевизоры, школьные ранцы. Вот хвост пополз мимо их двора, и Колька с изумлением увидел, как из подвала вылетают бабкины банки с вареньем, огурцами, помидорами и все до одной магнитятся к железному хвосту. “Стекло же не магнитится, как банки не падают?” — подумал он во сне. На него со скрежетом повернулась огромная злая морда “гада”, и Колька увидел образину трансформера и его страшные злые глаза. Колька зажмурился от страха. А когда открыл глаза, “ползучий гад” с грохотом превратился в огромную машину и, грохоча по асфальту, медленно поехал мимо разваленных песочных домиков, в сторону Луганска. Заревев во сне, Колька проснулся затемно, успев заметить, что не плачет, а подвывает, как щенок. Он растолкал бабушку, пожаловался на страшный сон.

— Ничего, унучёк, ничего, Коленка... Это враг-сатана пугаеть... А Господь Пресветлый в обиду не даёт. Утром в Церкву Божию пойдём, — успокоила внука бабушка.

Раннее майское утро выдалось тёплым и ласковым. И пока бабушка Аня возилась с замком двери, Колька выскочил на обочину и оглядел дорогу, асфальтовой лентой далеко уходящую влево и вправо. В воскресный утренний день она была пуста от автомобилей. Над асфальтом вдалеке стояла белая дымка, и Колька что есть мочи рванул по самому центру трассы. Он быстро бежал, отчаянно рыча, как самый мощный мотоцикл, растопырив руки на вообразимом руле. Убежав довольно далеко, мальчик услышал, что его зовёт бабушка и так же быстро вернулся назад и побежал напрямиком к храму.

У церковных дверей он оглянулся. Никого из прихожан ещё не было. Колька тихонечко зашёл в храм.

Он каждое воскресенье, сколько себя помнил, ходил сюда с бабушкой. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы стояла на холме, нарядная, кружев-

ная, выкрашенная синим и голубым колером, она как бы ласково глядела сверху на низенькие домики Новосветловки, а прямо перед выходом была большая веранда, где в праздники для всех прихожан ставили столы, и Колька всегда ждал их, потому что только на Пасху можно было отведать вкуснейшие куличи, пасху, печенье, конфеты, сладкие пироги, что приносили со всего села прихожане. Все обнимали друг друга, поздравляли с праздником. Батюшка, особо торжественный и важный, благословлял людей, освящал святой водой кушанья. И когда солнечные брызги святой водицы летели на прихожан, Колька со Светой всегда старались протиснуться ближе, чтобы окропили их как можно больше, а потом они с восторгом вытирали мордашки, и почему-то было так радостно, что хотелось смеяться и прыгать.

Проскользнув в дверь, Колька тихонько подошёл к алтарю. В полутьме читали “часы”, под куполом, через огромную люстру, называемую паникадиллом, голос с тихим гудением улетал и растворялся где-то высоко. Колька подошёл к иконе Николая Чудотворца. Бабушка говорила, что назвала его в честь святого Николая. “Мать, отец бросили дитя, так хоть ты, Никола Угодник, не оставь сироту”, — частенько всхлипывала она, и Колька не любил это, стеснялся, что кто-нибудь увидит и засмеёт его, он дёргал бабушку за рукав, умоляя замолчать. А сегодня ему никто не мешал, и он тихо стоял, глядя на лик Святого. Он никак не мог сообразить, о чём попросить доброго седовласого святителя Николая, в воображении ворочался то страшный стальной хвост “гадов”, виденный во сне, то печальная Света с новым школьным портфелем.

И тут Колька заметил, что на лице Святого у левого глаза что-то блестит. Колька встал на цыпочки и, насколько мог, до боли в глазах стал вглядываться в лик святого. Из глаз Николая Чудотворца текла обильная слеза, и сияющий маленький ручеек уходил прямо через бороду и исчезал под облачением. “Никола Чудотворец плачет”, — подумал Колька, и ему вдруг стало нестерпимо жалко и плачущего седого Святого Николая, и бабушку, и Светку, и себя. Он не заметил, как тоже заревел и побежал к бабушке и собравшимся на службу людям.

— Никола Чудотворец плачет! Баба, смотри, Никола заплакал! — кричал он, размазывая слёзы по щекам.

Пришёл батюшка, люди, включили яркий свет, внимательно осмотрели иконы, спросили сторожа, всех служащих храма, а батюшка-настоятель сказал:

— Братья и сестры! Сие явление в жизни церкви называется слезоточение. Только Господь знает, о чём через икону своего Святителя он хочет сказать нам, о чём предупредить. Будем же послушны воле Божией, будем любить друг друга, любить мать-Церковь, любить свою родную землю.

Новость быстро облетела всю Новосветловку, после службы отслужили молебен Святителю Николаю, на который собрался почти весь поселковый народ. И уже все знали, что первым чудо заметил отрок Николай, Кольку поздравляли, обнимали, говорили добрые слова, а бабушка Аня задумчиво сказала:

— Ох, Коленька, Коленька... Что-то Святой Никола хотел тебе сказать, сироте... Не остави нас, Пресвятая Богородица.

— Чтоб я гадов с железным хвостом не боялся, — гордо заявил Колька.

— Каких гадов? С каким хвостом? — нахмурилась бабушка.

— А-а! Баба! Ну, потом расскажу, — нетерпеливо буркнув, Колька побежал рассказывать про чудо своим друзьям.

А впереди было ещё целое жаркое лето! А впереди ждала таинственная школа, куда Колька готовился пойти в сентябре в первый класс, и ему очень хотелось сидеть за одной партией со Светой.

Но всего через два месяца изменилась вся жизнь Новосветловки и всей Украины. Колька услышал слово “война”, когда пришёл, как всегда, поиграть к Свете. На кухне сидел Светин папка в пятнистой военной форме, у ног его стоял настоящий автомат. Колька с замиранием сердца осторожно потрогал тускло-блестящий ствол.

— Вот, Колька, будем землю свою защищать, — устало сказал Светин папа.

— От гадов?

— И от “гадов”, и от фашистов, Коля.

Света и её мама заплакали.

— Свет, не плачь. А твой папа теперь командир? — тихо спросил Колька.

— Нет, ополченец. Его убить могут, — всхлинула Света.

— Свет, не плачь. Не убьют. Я Николая Чудотворца попрошу, — утешал Свету Колька.

— Шагай-ка ты, брат Колька, домой, — похлопал мальчишку по плечу папа-ополченец. — Не дай Бог, обстрел начнётся, бабка с ума сойдёт.

— Пойду... — вздохнул Колька и пошагал к своему дому, глядя, как ополченцы разгружают мешки с песком, выкладывая из них круглую стенку возле асфальтовой дороги. Почти все они были из Новосветловки, и Колька, конечно, знал их. “Ещё один блокпост строят”, — подумал Колька. Он уже знал это слово и много других. “Ураган”, “Смерч”, “Град”. Пол-литровая банка в сенях стояла полная осколков, которые он насобиравал на улице между обстрелами.

Колька не знал, что случилось в мире, почему сверху, сея смерть, врлуг в дома людей полетели снаряды. Кто мог, уехал, увёз детей, а Кольке с бабушкой ехать было не к кому, при обстрелах они прятались.

Самый страшный обстрел начался рано утром. Бабушка схватила на руки вместе с одеялом заспанного Кольку, стены дома ходили ходуном, на кухне с треском вылетело стекло в окошке, на улице стоял пронзительный вой и свист, как будто кто-то огромный изо всех сил дул в огромный железный свисток и никак не мог взять высокую ноту. Бабка, прижав к груди Кольку, спустилась в подвал. Всё это произошло во мгновение, но Кольке показалось, что спускались они целую вечность, и бабка Аня никак не могла закрыть крышку в подвал. Стены подполья вздрагивали от ближних разрывов.

Колька почему-то не плакал, но его сильно трясло, было холодно, как в морозный день, он кутался в одеяло, но холод и озноб не отпускали. Он хотел разглядеть, что там наверху, но видел только полосу тусклого света, проникавшего в подполье. Бабка, прижав внука к себе, шептала молитву. Кольке казалось, что время исчезло, исчезли часы, минуты, утро, день, ночь, а их место занял непрекращающийся грохот и вой, от которого тошнило и голова раскалывалась и горела.

Неожиданно грохот стих. Бабушка Аня осторожно поднялась по лестнице наверх, наказав Кольке не высовываться. Было слышно, как она чем-то торопливо стучала. Потом стало тихо. “Куда она ушла-то? Могут опять бомбить.” Кольке очень хотелось посмотреть, что там наверху теперь, он полез было по лестнице вверх, высунул голову, но бабушка, заметив его, прикрикнула:

— Колька! Куда высовываешься? Хочешь, чтобы этими железяками прибило? Ну-ка марш обратно!

— Баба! Чего там?

— Чего-чего! Война там страшная, — бабушка всхлинула. — Убивцы эти проклятые людей поубивали. Тётя Вера погибла, соседка наша.

— А Света живая? — спросил Колька.

— Почём же я знаю, Коленька? Дай Господь, чтоб живая была. Возьми вот хлебушка, консервы, да водицы с чайником. Кто его знает, сколько в подполье с тобой ещё сидеть будем, — бабушка сунула Кольке булку хлеба и чайник. — Оденься быстренько и возьми икону Николая Чудотворца, она маленькая, в кармашке её держи всегда. На улицу не ходи, меня жди, — бабушка открыла дверь, вышла на улицу.

Не сдержав любопытства, Колька сразу же вылез из подвала и на цыпочках подкрался к окну. За окном кричали люди, слышался громкий женский плач. А в их комнате на полу валялось разбитое стекло, щепки от подоконника, в двери шкафа появились круглые дырки. Колька медленно оделся,

спрятал икону Святителя Николая в карман, перетаскал продукты в подполье. Бабушки всё не было. Колька выглянул в окно. Соседи по улице стояли возле дома тёти Веры, у ворот лежал кто-то прикрытый шерстяным одеялом в синюю клетку. “Это тётю Веру убило”, — подумал Колька. Ему стало страшно, он на цыпочках отошёл от окна, сел на стул в углу и задумался. “Вот когда люди умирают, то это страшно. А батюшка в храме говорит, что люди, когда умрут, то домой возвращаются, в Царство Небесное. И бабушка так всегда говорит”, — Колька прислушался... За окном громко плакали женщины. “А почему люди тогда не радуются, что родные пришли домой в рай, а наоборот, сильно горюют, и им страшно, что их родные ушли от них?” — Колька поднёс к лицу свои ладошки и стал разглядывать их. “А если в меня попадут эти мины, осколки, то вся кровь вытечет, и я тоже помру. Тётя Вера же не знала, что её убьют, а сейчас лежит под одеялом на улице, и все о ней плачут”. Колька вдруг почувствовал ледяное одиночество, его опять стало морозить, он нащупал в кармане иконку св. Николая и прижал к губам. “Святой Никола, дедушка, помоги мне! Баба сказала, что мне никто больше не поможет, только ты, мой Святой. Сделай так, чтоб никого больше не убило!” — Колька заплакал, прижавшись лицом к иконе. “Я слёзки твои в храме первый увидел. И бабушка говорила, что ты мне сказать что-то хотел. Помоги нам! Скажи Господу, чтоб в нас не стреляли, чтобы Новосветловку не бомбили...”

Когда бабушка Аня вернулась домой, Колька спал в углу, свернувшись калачиком на ватнике. Она перенесла внука на диванчик, укрыла его одеялом, зажгла свечу перед иконостасом, встала на колени. Колька в полусне увидел огонёк свечки, до него донеслись таинственные слова, которые со слезами шептала бабушка. “Доколе, Господи, забудеши мя до конца, доколе отворачиваеши лице Твое от мене. Доколе положу свет в душе моей, болезни в сердце моем день и ночь; доколе вознесётся враг мой на мя...”

Колька опять крепко заснул, и виделось ему, что он из последних сил идёт по жёлтому сухому полю, а вокруг множество народа!.. И все плачут, рыдают и кричат: “Доколе, Господи, забудеши нас до конца...” Люди воздевали руки к небу и отчаянно просили о чём-то. Оглянувшись, Колька увидел, что за толпой народа с грохотом и воем движутся огромные “гады-трансформеры” с железными хвостами и клешнями, которыми они захватывали бегущих от них людей. А высоко в золотом небе грозно уходил сам Господь, такой, каким видел его Колька, когда стоял перед открытыми воротами алтаря в храме во время Пасхи, — в царской короне, с державой и скипетром. Господь грозно оборачивался на толпы людей и вновь уходил всё дальше над жёлтым полем. А за ним летели ангелы, его Святые, и Колька увидел святого Николая Чудотворца, который, повернувшись лицом к людям, плакал, утирая светлые добрые глаза. Колька закричал, но его голоса не было слышно в рыдающей толпе. А Господь и Святые его уходили всё дальше и дальше, и Колька знал, что ни в коем случае нельзя отступать от Них, и бежал из последних сил, но ноги его, как и бывает во сне, едва шевелились.

Батюшка Сергей теперь служил каждый день, и сельчане старались прийти на службу, даже те, кто раньше редко заглядывал в храм. Теперь, когда под обстрелами бандеровцев, украинской нацгвардии гибли люди, в прах стирались дома, очаги людские, народ потянулся к Господу, прося защиты, молясь о живых и поминая убитых.

Колька видел, как к заутрене собирались знакомые люди, соседи. Пришла Света с матерью. Мать всё время плакала, вытирая глаза платком.

— Свет. А папа-то где? — спросил Колька.

— Не знаем мы. Он уже неделю с блокпоста не приходит. Их обстреливают сильно.

Света заплакала.

— Он придёт. Не плачь, — Колька вздохнул, не зная, как успокоить девочку. — Наши все равно победят.

Люди зашли в храм. Началась служба. Колька со Светкой поставили свечки перед иконой Спасителя, а Колька косился на икону Николы Чудо-

творца, что была слева от алтаря, и, протиснувшись поближе, улыбнулся Николе, как доброму другу. Слеза на иконе Николы была уже меньше, но все равно можно было разглядеть, что лик седого Николы был печален.

— Никола, пожалей нашу Новосветловку, видишь, сколько людей уже погибло... — чуть слышно прошептал Колька.

Он хотел ещё что-то сказать, но не успел. От страшного удара качнулись стены храма, а пол вдруг выскользнул из под ног, и Колька увидел себя лежащим возле большого бронзового подсвечника. Пронзительно закричали женщины. Колька увидел на потолке храма большую зияющую дыру, сквозь которую было видно серое небо. Вниз сыпались кирпичи, штукатурка. Люди бросились к противоположной стене, с ужасом осознавая, что храм расстреливают из тяжелой артиллерии. Второй снаряд пришёлся в большой храмовый купол с крестами. От удара оборвалось полутонное огромное паникадило и начало падать вниз на прихожан. Колька лежал, не шевелясь, заморожено глядя, как медленно, как бы во сне, опускается железный круг с лампами на кричащих в отчаянии людей. Колька зажмурился, ожидая удара, но на него ничего не упало. Он открыл глаза и увидел, что отец Сергей стоит перед алтарем, не сделав ни шага назад, с бледным лицом молится и часто крестится. “Спаси Господи люди Твоя и сохрани достоинство Твое...” — услышал Колька. Он глянул на потолок, откуда ещё мгновение назад летела огромная люстра. Паникадило, не долетев метра три до пола, качалось на тоненьком проводочке то ли освещения, то ли ещё каком. Люди, оправившись от первого ужаса обстрела, сгрудились возле отца Сергея. “Спаси Господи люди Твоя...” — повторял вместе со всеми Колька, сидя на полу, обхватив руками ножку большого подсвечника. К нему подползла и прижалась к плечу испуганная Света. За стенами храма стоял визг и свист. В храме то и дело слышались щелчки, тонкие взвизги, после которых на стенах вспыхивали искры, взвивались фонтанчики белой пыли. Несколько раз звенели разбитые окна, и в них появились аккуратные круглые дырки с трещинами. И вдруг всё стихло. Колька с изумлением, прижавшись к подсвечнику, оглядывал изменившийся за несколько мгновений храм.

— Братья и сестры... — тихим голосом обратился к прихожанам отец Сергей. — Господь явил чудо Божие. Сохранил нас от адской напасти. Все ли живы, никто не ранен?

— Живы, батюшка.

— Слава Богу.

— Никто не ранен даже, — вразной отвечали люди. Многие, не в силах стоять, опускались на пол храма, кто-то плакал навзрыд, матери прижимали к груди детей.

— Я прошу вас пока не выходить из храма Божьего... Некоторое время побудьте здесь, — устало обратился к людям отец Сергей. — Сотворим благодарственную молитву о спасении нашем.

За стенами храма было тихо. Негромко гудели голоса людей, лилась молитва, и Кольке не верилось, что так мгновенно может прийти смерть, и также исчезнуть.

“Вон дыра, вон люстра висит здоровенная, на полу кирпичи, — думал он, — а люди все живы”.

Колька поднял глаза к иконе Николая Чудотворца.

— Спасибо, Николушка, миленький, — мальчик встал с пола и, осторожно ступая между упавшими с потолка большими кусками штукатурки, тихо подошёл и поднял глаза к иконе Николая Чудотворца. Святой всё так же ласково и грустно смотрел с высоты. К Кольке подошла Света и, прижавшись к его плечу, замерла.

— Достоинство есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, — пели люди, и огоньки свечей, сохранившиеся чудом после обстрела, оживали вновь в людских руках и давали жизнь новому тёплому свету.

В Новосветловку пришла осень, но Колька и его друзья не пошли в школу, потому что здание её во время боёв было разрушено, в стенах были дыры от снарядов, а новые пластиковые рамы, вставленные летом, были раз-

биты и искорёжены осколками. Когда не было обстрела, Колька приходил попроведовать Свету. Ополченцы после боёв отступили к Луганску и с ними Светин папа, мать с детьми осталась в доме и так же, как Колька с бабушкой, пережидали бои и бомбёжки, прячась в подполье.

Когда ополченцы ушли, вечером в село вползли танки карателей, на больших грузовиках приехали солдаты украинской армии с оружием. Они начали занимать здания, обживаться. Колька не выдержал и, не послушав бабушку, побежал смотреть на танки. Они были огромные, громко чихающие вонючим, удушливым сине-чёрным дымом, облепленные коричневой грязью, с зелёными тусклыми боками. Они напоминали Кольке динозавров, которых он видел в кино, кровожадных, всегда готовых вцепиться в добычу. Но солдаты Кольке очень не понравились. Почти у всех глаза были пустые, как будто стеклянные. Разговаривали они со злостью, даже друг с другом. Когда один раз Колька подошёл близко к машине с ракетами, солдат плохими словами отогнал его, наставив автомат. Колька припустил до дома, что есть мочи. Дома спросил бабушку:

— Баба, а что такое “сепар”-выродок?

— Тебя эти фашисты обозвали?

— Да.

— Зачем ты к ним подходишь! — заплакала бабушка. — Это, Коля, люди. Они и детей малых убивают.

— А мы “сепары”, да?

— Коленька, мы рабы Божие, православные христиане. А они — бесовское отродье, раз в храмы Божьи из пушек бьют.

Колька опустил голову, помолчал, затем решительно вышел во двор, достал из кармана игрушку-трансформер и положил его на старый кирпич. Колька долго смотрел на зловещего уродца и вдруг понял, что он ему совсем не нравится, как раньше.

— Ты у меня будешь знать, как посылать к нам сюда гадов-бандеровцев, — сурово прошептал мальчишка, взял кирпич и, примерившись, с размаху прихлопнул трансформера. — Вот тебе! Получай! — Колька поднял кирпич и с любопытством уставился на кучку цветной пластмассы, которая ещё недавно была зловещей игрушкой. — Ну вот, и никакой ты не бессмертный, — усмехнулся мальчишка и, смахнув с кирпича пластмассовый мусор, спокойно пошагал в дом.

Утром похолодало. Но Колька с бабушкой Анной, не глядя на погоду, с утра уже были в церкви. Колька с друзьями Васькой и Петром до службы разглядывали огромную пробоину в куполе.

— Гляди, Коля, батюшка с мужиками уже заделали, — говорил ровесник Кольки, соседский мальчишка Пётр.

— Ну... Досками только забили, а надо кирпичами кладку делать, — со знанием дела отвечал Колька.

— Эй ти! Сэпари, мать вашу! — вдруг кто-то рявкнул им в спину.

Мальчишки с перепугу взвизгнули и отскочили к стене храма. Перед ними стоял громадного роста детина с чёрной щетиной, с автоматом за плечами, на поясе у него болтался кинжал в блестящих белых ножнах.

— Киде отес? Пиротив нас воюет? А? — заорал вояка, с трудом выговаривая русские слова. — Гавари, тивар малэнький!

— Нету у меня отца, я его не видел никогда, — вжимаясь в стену, почти прокричал Колька.

Мальчуганы прижались к друг другу. К ним подходили увешанные оружием, в массивных зелёных касках украинские гвардейцы. Их было уже больше десяти.

— “Джигит”, чо эти щенки тут мутят, — угрюмо пробасил маленький толстый солдат с вислыми рыбьими усами.

— Отес, говорит, нэту! Папа нэту! — осклабился чёрный “джигит”, — а папа там сидыт, воеват хочет, да!

Мальчишки испуганно молчали, смотря на подходящих вояк.

— Ну, и мочкани их, гадёнышей, — равнодушно бросил длинный молодой солдат в чёрных очках. — По любому сепарята хреновы, отцы против нас воюют, эти вырастут — тоже будут. Так лучше сразу их задавить.

— Подожди пока, — остановил усатый, — ватники на службу в церковь тащутся, выстрелы услышат — разбегутся по щелям, хрен отыщешь. Кто окопы рыть будет, ты, что ли?

— Ага, буду на.... Сепары рыть будут, — зло взвизгнул молодой в очках.

— Коля, Коленька, — к детям подбежала, задыхающаяся бабка Анна. — Обыскалась везде, тебя нет нигде. — Бабушка вдруг увидела наставленный на внука автомат. — Да вы что, сволочи, совсем спятили? С детьми воюете, — закричала она.

— Не ори, старая. Бери лопату, копай могилу, а сначала окопы, — усатый кивнул на кучу лопат, которые разгрузили солдаты.

— Я своё в войну откопала, когда наши таких как вы, бандеровцев, как бешеных собак, стреляли, — спокойно и твёрдо вдруг выговорила бабка, с ненавистью глядя в пустые глаза усача.

— Всэ будут копат! А тэбя с внуком — к стэнки! — заорал огромный “джигит”.

Колька с мальчишками выглядывали из-за спины бабушки Анны.

— А ты чего сюда притащился? Из Чечни, что ли? — спокойно глянула на “джигита” бабка.

— Э-э... старая дура! Я из вэликой Грузии! — презрительно процедил детина.

Бабушка посмотрела на огромного солдата, обвешенного оружием, в сердцах плюнула ему под ноги.

— Шоб ты сдох, вражина!

Грузин, ругаясь на своём языке, передёрнул затвор автомата. Каратели остановили его. Бабушку и ребятишек, пихая в спину и пиная ногами, погнали к выходу из храма. Площадь перед храмом уже была окружена цепью солдат. Перед крыльцом лежала куча лопат. У ограды стояло два крытых грузовика. Солдаты выпихивали людей из помещения храма, и вскоре на площадке перед выходом теснилось шестьдесят пять человек, впереди стоял отец Сергей.

— Ну, чо, товарищи сепары, ватники, колорады и прочая шушера, — забасил усатый нацгвардеец и вдруг истошно заорал: — Слава Украине! Героям слава!

Люди молчали, угрюмо глядя на жирного коротконового карателя.

— Ну, я так и думал, — усмехнулся усатый. — Короче, мрази! У вас есть шанс... Небольшой такой шанс послужить великой Украине. Тогда останетесь живы-здоровы вместе с вашими щенками, — цедил, размахивая автоматом перед молчащими людьми, усатый. — Шас берёте лопаты все вместе и с вашим поном, дружно помолясь, начинаете рыть окопы вокруг вашей церквушки.

Люди со своим пастырем стояли, не шевелясь. Колька глядел на злое лицо усатого, которое наполнялось злобой и покрывалось лоснящимся потом. Он вдруг стал шевелить вислыми усами, нервно жевать губами, и Кольке на мгновение показалось, что усатый не человек, а огромная злая рыба. “Это злой сом, — подумал мальчик, — сомочеловек такой”.

Солдаты прикладами автоматов стали пихать людей, заставляя взять лопаты. Никто не хотел их брать, в народе слышались крики, плач. Люди с ненавистью встали против карателей, готовые броситься на них с голыми руками. Те тотчас выставили автоматы, над площадью полилась матерщина нацистов. Лязгнули затворы.

— Стойте! Братья, стойте! — вперёд вышел отец Сергей. Он тяжело дышал, поднимая ладони, как будто защищая храм и людей. — Господин военный. Братья! Вы же православные люди. Перед вами ваши братья. Во имя Христа, помилуйте ближних своих и сами помилваны будете!

— А ты попяра-то москальский, не наш... — злобно зашипел молодой каратель в чёрных очках. — “Слава Украине” не кричал... Говоришь: “Помилуйте!”, ну, так я тебя сейчас помилую.

Очкастый вдруг подскочил к батюшке и резко ударил его справа прикладом в грудь. Отец Сергей упал на руки подхвативших его прихожан. Люди в ярости бросились на карателей, оглушительно затрещали автоматные очереди, народ отпрянул назад.

— Гони их в загон! — хрипел усатый.

Кто-то из карателей стрелял в воздух, остальные ударами стали загонять в храм кричащих людей. Колька бы свалился под ноги бегущим людям, если бы его не подхватила бабушка.

— Баба, где Света?! — кричал он, забегая в помещение церкви.

— Тихо, Коленька. Здесь она, здесь, — кричала в ответ бабка, со стоном привалившись к стене.

Громыкнул замок. За дверью слышалась отборная брань солдат.

Бабка Аня, оставив Кольку и ребятишек, помогала вместе с женщинами избитому батюшке. Его положили на лавку, дали воды.

Колька со Светой и другими ребятишками сидели, прижавшись к стене.

— Они нас всех расстреляют? — устало спросила Света Кольку.

— Не знаю... — Колька пошевелился, двигаться совсем не хотелось, хотелось только попить. — А может, у них патронов не хватит. Нас же много.

— У них хватит, — тихо ответила девочка, — они не жалеют никого. Мне очень страшно, Коля.

— Да мне тоже... — Колька поглядел под купол наверх. — Но бабушка моя их не испугалась, и они её не тронули. Знаешь, как она кричала на них? Надо их только не бояться, мы же в храме, нас Бог защитит. — Колька привстал на колени. — Я сейчас осторожно гляну в окошко, что они там делают. Держи, — сунув в ладошку Светы бумажный образок Николая Чудотворца, мальчишка пробрался к окну.

— Что там, Коленька? — едва слышно спросил отец Сергей.

— Не знаю, батюшка. Какие-то бомбы большие притащили, провода разматывают, — бодро сообщил Колька. — Я сейчас получше разгляжу.

— Не надо глядеть... Ты иди, миленький, скорее к нам, — ласково позвал батюшка. — Мы помолимся, и Господь вразумит, что нам дальше делать. Да будет, Господи, Воля Твоя... — батюшка с трудом сел на лавку и перекрестился. — Теперь на всё воля Божья, милые мои, родные... Не бойтесь же убивающих тело, души же коснуться не могут... Помолимся.

Люди услышали рёв отъезжающих от храма машин. Батюшка с трудом встал, ему помогали прихожане. Молоденький дьякон возгласил: “Господу помолимся”, и начался молебен. Баба Настя со свечной лавки принесла ящичек со свечами и раздавала свечки всем до единого, и Кольке со Светкой, и Ваське, и Петру, и всем взрослым и ребятишкам.

Пламя свечей вдруг ярко осветило лики икон, лица людей. Колька, засмотревшись на людей, не узнавал их, много раз видевши их и в храме, и в магазине, и на улице. Они вдруг стали как-то строже, торжественнее. “Как на иконах, — подумал Колька, но почему-то вспомнил о мультфильме про царя Гвидона, который превращался в комара, чтобы бороться со своими недругами. — Вот мы со Светкой обратились бы в комаров и вылетели бы в форточку, позвали бы ополченцев. А те бы, раз! И прилетели по дороге на танках, да и исколотили бы этих “бандер”-фашистов, а мы бы со Светкой опять превратились в людей и всем бы двери открыли...” — Колька, забывшись, заулыбался своим думкам.

“Живый в помощи вышнего в крови Бога Небесного водворится”, — тихо читал батюшка, и Колька, думал о живом могучем Христе, представлял, как он с войском Святых своих с небес идёт на помощь в их Новосветловку. Мысли его прервались грохотом замка. Под ударами распахнулись двери.

— На выход, сепары! — на пороге стоял тот злобный человек-рыба с усами. За ним высился обвешанный оружием “джигит”.

— Даже сдохнуть по-человечески не можете. Фугасы, в натуре, не сработали! Наколдовали, что ли, а?! — орал в бешенстве усатый. — Москали долбаные!

Люди опять сгрудились на небольшой площадке перед церковью. Из подъехавшей машины быстро выскакивали солдаты. Так же быстро они

окружили людей и прикладами отогнали их левее веранды, где всегда справляли церковные праздники, а теперь висела принесённая сельчанами одежда для тех, кто потерял в этой войне последнее.

Колька оказался с бабушкой близко от очкастого солдата. Тот закурил вместе с усатым, Кольку обдало запахом вонючего курева, а потом он услышал:

— Всё! Кончай, Грицко, этот цирк с конями, к вечеру “сепары” в атаку полезут. Точная инфа.

— Да куда их девать-то...

— Видишь, они идейные, упёртые. Ну, и отправь их до Луганска.

— Отпустить, что ли?

— Гонишь, что ли? Отпустить... “Лугандонов” отправляем в сторону Луганска, к своим... Только через балку справа.

— Где мины, что ли? — усатый Грицко понизил голос.

— А то! — усмехнулся солдат в черных очках. — С горячим приветом!

Подшли ещё несколько военных, но слов Колька уже не слышал.

Измученных людей построили в колонну.

— Ну, что, “сепары”! — хрипло заорал усатый. — Шагом марш вон в ту балку. Мы вас отпускаем. Передавайте горячий привет своим! — и усатый, повернувшись к солдатам, по-жеребьячи заржал.

Людей погнали в овраг, в балку по направлению к селу, занятому ополченцами.

Колька, слышавший разговор карателей, по-настоящему испугался.

— Баба, там мины, — громко шептал он бабушке, дергая её за рукав.

— Господи, Твоя Воля... Господи, Твоя Воля... — как в забыты повторяла бабушка Анна.

— Баба, — умоляюще теребил её Колька, — они же нас на мины гонят.

— Господи, Твоя Воля... Коленька, уберёжёт тебя Никола Угодник, — на ходу отвечала бабушка.

Люди шли, прибавляя шаг. Батюшка Сергей шёл впереди. “Яко Ангелам Своим заповесть о тебе, сохрани ти во всех путех твоих. На руках возмут тя, да некогда преткнеша о камень ногу твою, на аспида и василиска наступивши и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю, и покрою и яко позна имя Мое”, — доносилось до Кольки едва слышно, но постепенно он услышал, как эти слова звучат громче и громче и заполняют всё серое дождливое небо и слякотную, разъезжающуюся под ногами землю. И ноги уже не вязнут в жирной грязи, не скользят по травяным кочкам и холмикам, а словно взлетают над землею. Будто кто-то невидимый подхватил и перенес через минное поле истрадавшихся людей. А нелюди в украинской форме бандеровцев, с жадностью ожидавшие взрывов и смертей, спохватившись, заорали, начали полосовать очередями минную балку, но поздно.... Люди ушли. Это всё Колька уже не слышал. Он шагал вместе с людьми по мокрой траве, уходя за редкий лесок, покидая свой разрушенный дом, храм, свою дорогу Новосветловку, повторяя: “Спаси, Господи, люди Твоя!..”

И словно не вынесло небо этого бесовского бесчинства на древней Святой земле, Небесные Силы властно положили предел мучению людей, кои пережили все, не отступив от Христа.

В этот же вечер началась и всю ночь продолжалась сильнейшая атака всех сил ополчения. Каратели сгорали в танках, взрывались в машинах и среди боекомплектов, падали от пулеметного огня и исчезали, испаряемые “Градами” и “ПТУРСами”. Предатели-иуды, сдававшие на расстрел односельчан, родственников воюющих ополченцев, бежали, бросив всё, цепляясь за остатки бегущей также украинской армии. А армия эта катилась в ужасе к поселку Изварино, где ополченцы Луганской народной республики готовили ей справедливое возмездие за лютые преступления — “Изваринский котёл”.

Эпилог

— Матушка, а где Николин образок? Ну, бумажный, тот самый?

— Какой, батюшка? Наш? То есть Аниутин?

— Ну да, бабушкин и твой...

— Колька в портфеле носит. Говорит папку от двух смертей спас и меня не оставит.

— Конечно, не оставит! Не потерял бы только. Ну, готова?

— Готова, отче. Благослови.

Из небольшого аккуратного домика на территории Храма Покрова Божьей матери вышла красивая пара: статный белокурый священник со светлой мягкой бородкой и стройная голубоглазая девушка с русой косой в легком белом платке. Отец Николай и матушка Светлана (Фотинья), ласково приветствуя прихожан, вошли в храм. Через некоторое время храм наполнился бархатным глубоким голосом настоятеля иерея Николая: “Спаси Господи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси... Спаси Господи Самодержавного Царя...”.

К дверям храма подлетел велосипед, с него соскочил белобрысый мальчишка лет семи. В руках у него был букетик голубых незабудок.

— Колька! Ты на праздничную службу опаздываешь! Папка накажет, а Николай Угодник обидится, — не проговорила, а пропела сидящая на лавке невысокая бойкая девочка с рыжим хвостиком на голове.

— Да я цветы собирал к празднику. Настя! — мальчик Колька сунул цветы девочке, что-то достал из кармана и присел рядом на лавочку. — Вот гляди, икона Николы Чудотворца!

— Та самая?

— Да...

— Теперь твоя будет?

— Ну, если папка... ну то есть батюшка благословит.

Девочка с серьезным видом внимательно рассматривала иконку, улыбувшись сказала:

— Благословит. Идем скорее в Храм.

— Идём, — улыбнулся Колька.

Дети, взявшись за руки, вошли в церковь.

Солнечные лучи горели, отражаясь на позолоченном огромном новом куполе Храма, и свет это был виден далеко через поля, перелески и дуга Новосветловки.